

СИАНСКОЕ ВОССТАНИЕ КРЕСТЬЯН. 1930 г.

Вадим Николаевич КАРАМАН,
научный сотрудник Государ-
ственного архива Приморского
края

Вооружённые выступления крестьян на Дальнем Востоке в 30-е годы XX в. ещё мало изучены, хотя вышло несколько работ, посвящённых этой теме¹. В исторической литературе приводятся данные о 12 антиколхозных восстаниях с 1 300 участниками в ДВК только в феврале 1930 г.² Из крупных крестьянских волнений отмечаются в с. Малете Читинского округа (3—12 марта 1930 г.), Ундино-Талангуйском районе Забайкалья (июнь 1930 г.), в Зейском районе Амурской области (апрель—сентябрь 1930 г.), в Тернейском районе Приморского края (май — сентябрь 1932 г.)³ Н.А. Шабельникова отмечает, что только на территории Забайкальского округа в конце 20-х — начале 30-х годов их произошло более десяти, причем крупных⁴.

1930 г. — это начало раскулачивания, когда значительная часть крестьян ещё не были высланы с насиженных мест и составляли силу, способную противостоят репрессивному нажиму государства. Поэтому пик их выступлений приходится именно на 1930 г. И речь идёт об организованных вооружённых восстаниях части крестьян с установкой контроля над определённой территорией. Все же остальные формы активного, в том числе и вооружённого сопротивления политике коллективизации и раскулачивания следует относить к другим видам.

В исторической литературе ещё нет устоявшихся названий для крестьянских восстаний, происходивших в СССР в 30-е годы. Так, вооружённое выступление амурских крестьян под руководством Терентия Перельгина Г.Б. Куртина называет «Зейским мятежом»⁵, В. Макий вообще не затрагивает этот вопрос⁶. Публикацию воспоминаний участника подавления восстания А. Рыбака в 1989 г. редакция амурской газеты «Коммунистический труд» дала под заголовком «Сианское восстание»⁷. Действительно, большинство восставших (30,3%), в том числе и руководитель восстания Т. Перельгин были из деревни Сиан. Кроме того, крестьяне держали под контролем территорию, относившуюся в основном к Сианскому сельсовету. Поэтому, чтобы не путать с Зазейским выступлением 1923 г., примем для обозначения термин «Сианское восстание».

В 1930 г. в устье рек Зеи и Амура, в Зейском районе Амурской области, произошло крестьянское выступление (общая численность 135 чел.). По масштабам (число восставших, контролировавшиеся ими районы и т.д.) восстание значительно уступало Улунгинскому. Тем не менее по способу, каким власти подавили его, можно заключить, что события в Сиане вызвали большее беспокойство властей.

Организовал и возглавил восстание сианский крестьянин, бывший красный партизан Терентий Перелыгин. Исторические исследования этого вопроса ещё не предпринимались. Вышло только несколько публикаций, касающихся юридической реабилитации участников⁸. Источники по истории восстания ещё не введены в научный оборот. Прежде всего это — «Доклады члена пропгруппы ЦК ВКП(б) о работе в Зейском районе», материалы (отчёты, доклады, сводки и т.д.) о крестьянских хозяйствах Зейского райисполкома, хранящиеся в Государственном архиве Амурской области, и архивно-следственное дело о восстании из архива УФСБ Омской области. Данные документы позволяют воспроизвести относительно полную картину восстания.

Причины восстания — сугубо экономические. Идеиных противников советской власти среди этих крестьян не было, более того, большинство из них являлись активными участниками установления советской власти. Социальный состав восставших определялся в соотношении «...примерно, кулаков — 5%, середняков — 50% и бедняков-батраков — 45%...»⁹ И это данные партийных органов, склонных записывать в «кулаки» середняков и даже бедняков. Кроме того, описывая крестьянские хозяйства к моменту выступления, уполномоченный ЦК ВКП(б) замечает: «До 1930 г. по поселённым спискам вообще трудно было найти кулаков...» Этот показатель оправдывался скрытой эксплуатацией, уменьшением доходов и т.д., тем не менее доказательства, что «скрытые» кулаки жили за счёт деревенских бедняков, так и не были представлены. Все восставшие использовали только труд своих семей, поэтому о систематическом применении наёмной рабочей силы не может быть и речи. Попытка приписать религиозный фанатизм восставшим (в восстании якобы принимали участие сианские и умлеканские старообрядцы)¹⁰ не нашла логического объяснения, так как участие старообрядцев, полностью или хотя бы частично соблюдавших предписания своей веры, не нашло подтверждения.

В воззваниях восставших основной упор был сделан именно на несоответствие вложенного труда крестьян и норм, установленных советской властью¹¹. В письме к уполномоченному ЦК ВКП(б) есть такие строки: «...За что мы выступили. Я имею одну лошадь, одну корову с телёнком, а меня выставили кулаком и стали жать со всех сторон, лишили голоса, лишили крошечного пайка, тогда как у меня своего хлеба нет, что же мне оставалось делать — идти в тайгу и требовать своё...»¹²

В переписке крестьян с властями и сводках райисполкома очень высокий процент занимают сведения об их положении, даётся сравнительная характеристика до и после коллективизации. В частности, в «Докладе члена пропгруппы ЦК ВКП(б) о работе в Зейском районе» приводятся данные о крестьянских хозяйствах восставших. Автор доклада Г.Д. Решетников пишет: «...нажим на кулака в результате всех этих мероприятий (повышенное налогообложение и конфискация сельскохозяйственной техники, купленной крестьянами. — В.К.) получился такой, что брызги полетели...», и приводит устные заявления членов семей тех крестьян, которые примкнули к восстанию. Согласно этой информации хозяйства облагались налогом вплоть до полного разорения, а если крестьянин не мог уплатить требуемую властями сумму (все показания заканчиваются фразами «платить нам было нечем», «уплатить не мог» и т.д.), его лишали права голоса и описывали имущество¹³. Такое положение нельзя было дальше терпеть.

12 апреля 1930 г. наиболее активные крестьяне сел Новый и Старый Сиан, Старая и Новая Успеновка, Усть-Умлекан, Усть-Деп, Рублевка (12 чел.)

выступили в направлении Ново-Успеновка—Новый Сиан. Первоначально планировалось начать дело в ночь с 8 на 9 апреля, но с 12 апреля в районе должны были проводиться манёвры Осоавиахима и поэтому поход перенесли на 12 апреля¹⁴. Без боя осоавиахимовцы были взяты в плен, при этом часть их перешли на сторону восставших. Перед тем как занять деревню Новый Сиан, Т. Перелыгин, получив сведения о том, что сианской партией уже известно о восстании, выслал разведку для вывода из строя телеграфной линии Новосиан—Овсянка—Зея, Новосиан—Новоямполь—Свободный и мостов Тыгда—Зея¹⁵.

В этот же день крестьяне заняли Новый Сиан. Комячейка оказала сопротивление восставшим. В завязавшейся перестрелке коммунары потеряли Семёна Быковского (секретаря партиейки, назначенного уполномоченным по хлебозаготовкам) и Александра Трайберга, а повстанцы за счёт сианских крестьян пополнили отряд до 50 чел. Лукой Ткачёвым было составлено «Воззвание к населению крестьян, рабочих, служащих и Красной Армии от 1-го Повстанческого отряда крестьян, рабочих, служащих и красноармейцев».

Пополнив запасы 14 апреля, повстанцы вступили в Усть-Умлекан. По дороге они были обстреляны разведывательным отрядом ОГПУ и отступили к Усть-Умлекану, в результате боя потеряв убитыми четырех, ранеными трех и пленными двух человек, а также восемь лошадей и несколько берданок и охотничьих дробовых ружей (точные данные в источниках не указаны), отступили в тайгу. В районе еще не знали о восстании, но волнения среди крестьян были заметны, поэтому в Сиан был направлен заместитель председателя исполкома Захар Косач. В его задачу входило, прибыв к новому месту работы (до этого он возглавлял окружной кооператив), организовывать колхозное строительство. Но Косача захватил передовой отряд Перелыгина и доставил уже в качестве пленного в Усть-Умлекан; вскоре Захар Косач перешёл на сторону повстанцев. Насколько был искренним его переход, по имеющимся документам судить трудно, во всяком случае, заметной роли в восстании он не играл.

Перелыгин для связи выслал гонцов в соседние районы: Никиту Белова в Свободненский, Кондрата Павлова в Рухловский район, снабдив их деньгами и воззваниями «...с целью организации и поднятия восстания...»¹⁶ А Потапа Павлова уже с дальним прицелом Перелыгин отправил в Забайкалье (деревня Бичура) «...с целью узнать о положении дел на месте и приурочить своё выступление к выступлению в Сретинском округе».

Часть агентов Перелыгина были перехвачены ОГПУ, часть вернулись, но сведения, которые они принесли, оказались неутешительными. Крупные восстания в Забайкалье уже были подавлены. Всеобщего вооружённого выступления против советской власти (как представлялось повстанцам по опыту гражданской войны) не случилось. Прямое столкновение с большими отрядами ОГПУ было рискованным. Части Красной Армии, на чью симпатию восставшие могли рассчитывать, не участвовали в подавлении восстания, а войска ОГПУ, привыкшие к расправе с неугодными режиму, были настроены решительно, тяжёлое положение крестьян не вызывало у них, как, впрочем, и у уполномоченного ЦК ВКП(б), в чью задачу входила ликвидация восстания, никакого сочувствия. В письме восставших прямо говорится об отношении к ним бойцов отряда ОГПУ: «...Солдаты Денисова (начальник погранотряда ОГПУ. — В.К.) говорят, что поймаем, дадим плетей, а потом к стенке...»¹⁷

Повстанцы перешли к партизанской тактике (кроме того, им, как бывшим партизанам, такая тактика была привычной). Суть действий отрядов Перелы-

гина сводилась к неожиданным налётам на стратегические объекты местного значения (главным образом — склады) и столь же быстрому отходу. Кроме того, повстанцы были вынуждены заботиться о еде и оружии. Их интендантская служба была пущена на самотёк.

Это заметно отличало Сианское восстание от Улунгинского 1932 г., где заблаговременно побеспокоились о запасах и в последующем наладили снабжение через орочей. Тактика неожиданных налётов изнуряла, но и правительственные силы, несмотря на значительный численный и технический перевес, не могли быстро подавить восстание.

В самом его начале Зейский окружной отдел ОГПУ решил, что подавить начавшееся восстание можно немедленно лишь силами партийно-комсомольского актива¹⁸. Но это не удалось. Костяк повстанцев составляли бывшие красные партизаны¹⁹, т.е. в военном отношении отряд представлял собой вполне боеспособную единицу. В результате в Зейский район был направлен член уже упоминавшейся сформированной пропгруппы ЦК ВКП(б) Г.Д. Решетников с особыми полномочиями, местные отряды ОГПУ подчинялись его приказам. Суть действий Решетникова заключалась в том, чтобы путём переговоров склонить, если не всех восставших, то значительную их часть, сдаться.

Ответ на первое письмо восставших председателя Зейского райисполкома Номоконова был явно неудачным²⁰. Крестьяне поняли, что должны только работать. «...Ваши семьи не получают ни одного килограмма муки до тех пор, пока Вы не будете работать...»

Материалы следственного дела, переговоров с восставшими и доклады Г.Д. Решетникова позволяют сделать вывод, что уполномоченный правильно понял поставленную перед ним задачу. Именно в результате удачных переговоров отряд покинула значительная часть бойцов, настолько ослабив силы повстанцев, что их дальнейшие выступления не представляли какой-либо угрозы для власти, что и показало взятие Усть-Умлекана отрядом ОГПУ и бойцами сформированной из комсомольско-партийного актива группы.

Переговоры велись около месяца. Из 135 чел. отряда Перелыгина в общей сложности 101 чел. добровольно сложил оружие. Вначале несколько человек покинули отряд. Следом за ними повстанцы выслали разведку с целью узнать, каково положение сдавшихся. Чтобы привлечь остальных, сдавшимся было позволено жить так же, как и не участвовавшим в восстании крестьянам²¹. В своём докладе Решетников по этому поводу писал: «...Явившиеся добровольно бандиты для соблазна и приманки других были оставлены на свободе (пахать поехали)...»²²

Но, сложив оружие, они не выдали Перелыгина и его товарищей. Поэтому переговоры продолжались, несмотря на то, что восставших было уже довольно мало. Для вооружённой ликвидации повстанцев потребовалась бы значительная концентрация войск. Судя по отчётам Г.Д. Решетникова и материалам следственного дела, властям, несмотря на все усилия, до последнего момента не было известно ни местонахождение отряда Перелыгина, ни путь его следования, ни его связи в сёлах. Решетников прямо говорит о провале агентов ОГПУ, целью которых было получение информации о настроениях крестьян²³. На начальном этапе переговоров власти требовали сложить оружие и выдать главарей.

После того как основная масса покинула отряд, требования изменились. Поскольку требования восставших были (если их обобщить) в том, чтобы

вернуться к той жизни, что была до коллективизации (прекращение хлебозаготовительной кампании, возвращение раскулаченных и т.д.), то главное в переговорах было в том, чтобы убедить восставших будто пропгруппа ЦК ВКП(б) прибыла в Зейский район именно по этому вопросу. Несогласованность действий пропгруппы и отрядов ОГПУ чуть было не сорвала операцию. Так, 15 мая 1930 г. погранотряд ОГПУ под командованием Денисова обстрелял уже шедшую на переговоры с Решетниковым делегацию повстанцев. Денисову удалось взять в плен Е. Авдеева и захватить коней. Военные действия не устроили Решетникова, ведь его кавалерийская (в прямом и переносном смысле) атака могла сплотить повстанцев, а это уже означало бы усиление восставших, чего он никак не мог допустить. Поэтому после «выяснения отношений» Решетников от имени Денисова составил извинительное письмо, где свои действия оправдывал и объяснял несвоевременным получением приказа (на деле не существовавшего). С письмом был отправлен взятый в плен Е. Авдеев.

Этот манёвр, несмотря на свою примитивность, возымел действие, разумеется вкупе с другими факторами, такими как усталость крестьян от боёв и желание мирно заниматься крестьянским трудом; им уже не хотелось «продолжать борьбу до победного конца». В отряде остались только сам Перелыгин и основные его сподвижники: Лука Ткачёв, Потап и Кондрат Павловы и Иван Вдов. Вести переговоры с Решетниковым им было уже не о чем. Переписка и переговоры прекратились, а Решетников написал отчёт о проделанной работе.

Результатом его деятельности в Зейском районе Амурской области стала полная ликвидация восстания, хотя взять самого Терентия Перелыгина и четверых его товарищей так и не удалось. Но это уже входило в задачу местных отделов ОГПУ, с которой они не справились.

По воспоминаниям А. Рыбака, одного из участников подавления восстания, уже в августе 1931 г. он встретился с Перелыгиным и его людьми, пытавшимися организовать второе восстание (со слов А. Рыбака), и начал с ними перестрелку. Рыбак и бывшие с ним милиционеры взяли в плен Комкова (имя не указано). Перелыгин со своими людьми ушел в тайгу. В дальнейшем имя Терентия Перелыгина не всплывает по другим следственным делам, следы его отряда также теряются.

Несмотря на ликвидацию восстания, власти не решились из-за опасения новых волнений осудить всех его участников. Согласно материалам архивно-следственного дела о восстании из 135 участников пять человек (Косач Захар Трофимович, Тихонов Исаак Фёдорович, Туркот Яков Петрович, Ткачёвы Григорий Михайлович и Михаил Лукич) были приговорены к ВМН (высшая мера наказания), 16 чел. — к различным срокам исправительно-трудовых лагерей, 98 чел. освобождены в ходе следствия²⁴. Позже, в 1938 г., 35 участников восстания по старому обвинению вновь были арестованы и расстреляны²⁵.

Сианское восстание ликвидировали потому что, несмотря на боевой опыт гражданской войны, восставшие не сумели организовать политическое движение (они были крестьянами, а не политиками), а без политической составляющей любое восстание, даже состоящее из хороших солдат и командиров, обречено на провал. Основным и, пожалуй, единственным желанием крестьян было, чтобы власти оставили их в покое. Такой настрой заранее обрекал восстание не просто на военное поражение, но и на разложение в его процессе. Военная дисциплина — один из основных компонентов любых боевых действий — полностью отсутствовала, хотя костяк восставших составляли бывшие партизаны.

Показателен тот факт, что уход из отряда и сдача оружия не наказывались ни как предательство, ни как дезертирство. Вопрос участия в восстании свободно обсуждался на собраниях. При ликвидации восстания именно эти факты играли ключевую роль. И именно на мирные настроения крестьян рассчитывали власти при переговорах. Таким образом, при ликвидации восстания использовалась тактика медленного его удушения. Эта тактика вполне себя оправдала — повстанцы сдались, а войска ОГПУ не потеряли ни одного бойца.

В последующие годы крестьяне не оставляли надежды отстаивать своё право на свободу. Но к 1933 г. крестьянские восстания сошли на нет.

¹ Караман В.Н. Улунгинское восстание старообрядцев 1932 г. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи: Материалы второй междунар. науч. конф. Владивосток, 2000. С. 70—77; Кобко В.В. Следственные материалы как источник по истории старообрядчества Приморья (конец 20 — конец 30-х гг. XX в.) // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1950-е годы: Материалы первой Дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток, 1997; Саначёв И.Д. Крестьянское восстание на Амуре — кулацкий мятеж или шаг отчаяния? // Вестн. ДВО РАН. Владивосток, 1992. № 3—4.

² Проскурина Л.И. Репрессии в дальневосточной деревне в конце 20-х — первой половине 30-х гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920—1950-е годы: Материалы первой Дальневост. науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 123.; Шишко Н.П. Борьба Дальневосточной краевой партийной организации за победу линии партии на сплошную коллективизацию и укрепление колхозного строя (1929—1932 гг.) // Учён. зап. ДВГУ. Т. 7. Сер. общ. наук. Владивосток, 1965. С. 89.

³ Лыкова Л.И., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20—30-е гг. XX века. Владивосток, 2004. С. 132, 138.

⁴ Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922—1930 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2002. С. 432—433.

⁵ Куртина Г.Б. Как это было... Из практики работы УФСБ с материалами архивных уголовных дел периода массовых репрессий // Материалы междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2001. С. 142—149.

⁶ Макий В. Повстанцы // Книга памяти жертв политических репрессий Амурской области. Благовещенск, 2001. С. 337—349.

⁷ Коммунистический труд. 1989. 22 апр. С. 3.

⁸ Макий В. Повстанцы. С. 337—349.; Куртина Г.Б. Как это было... С. 142—149.

⁹ ГААО. Ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 20.

¹⁰ Там же. Л. 22.

¹¹ Архив УФСБ по Омской области. Д. П-77433, л. 32.

¹² ГААО. Ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 16.

¹³ Там же. Л. 22—23.

¹⁴ Архив УФСБ по Омской области. Д. П-77433, л. 614.

¹⁵ Там же. Л. 615.

¹⁶ Там же. Л. 615—614.

¹⁷ ГААО. Ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 16.

¹⁸ Макий В. Повстанцы... С. 340.

¹⁹ ГААО. Ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 54.

²⁰ Архив УФСБ по Омской области. Д. П-77433, л. 33.

²¹ Макий В. Повстанцы... С. 348.

²² ГААО. Ф. П-5, оп. 1, д. 85, л. 5 об.

²³ Там же. Л. 23.

²⁴ Архив УФСБ по Омской области. Д. П-77433, л. 630.

²⁵ Макий В. Повстанцы... С. 349.

SUMMARY: The author of the article “Slanskoye Peasants Uprising in 1930” Vadim Karaman raises a question of armed resistance of peasantry in the Far East in the 30s of the 20th century, in particular, the author tells about the uprising of the peasants of Slan in Zeya region, Amurskaya oblast, that was put down by forces of OGPU.